

Объяснение без слов

МОСКОВСКИЕ ГАСТРОЛИ

Каждому театру (так же, впрочем, как и каждому художнику) сопутствует опережающая его молва. Обычные «говорят», «слышали!»... Вот почему лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Но особенно это хочется сказать о Грузинском государственном театре пантомимы. Закончились гастроли этого театра в Москве, проехавшие на основной сцене МХАТ, на Тверском бульваре. В старину Тверской бульвар называли «зеленой газетой Москвы». А теперь это и «зеленая афиша» столицы, из которой зритель узнает о гастролях, премьерках...

Пантомима: власть жеста, горящие движения тела, движения, не иллюстрирующие музыку, а как бы возникающие заодно с ней. Образ возникает одновременно с мелодией и линией жестов. Это и есть пластика.

Поэт, я понимаю, что поэзия — это не только стихи. Строки создаются плавным или резким движением рук, ног, головы, всего тела.

Грузия особенно богата традициями древнейшего искусства пантомимы, уходящими в грузинский народный танец, обряд, праздник. Это жизнью рожденное и жизнью насыщенное искусство. Связано оно и с грузинским национальным характером: темпераментностью, пластичностью, выразительностью, активностью. Все это использовал великий Котэ Марджаншвили. Его спектакли «Солнцеликая» и «Пожар» вдохновили молодого выпускника Государственного театрального института Амираша Шаликашвили на создание в 1965 году при тбилисском Доме культуры железнодорожников студии пантомимы. Студия вскоре стала театром при Грузинской филармонии, а в 1975 году в Тбилиси родился первый в нашей стране Государственный театр пантомимы.

Создатель этого театра и его художественный руководитель Амираш Шаликашвили прошел до этого школу и драматического, и музыкального искусства, но все это было нужно ему для утверждения искусства мима. Ему стало доступно любую мысль, любое движение души выражать пластически. Он сплотил коллектив, дал выявить таланты и художественной энергии мимического ансамбля. Стало ясно: А. Шаликашвили — художник самобытный, а не иллюстратор чьих-то заданных схем. Тут следует

сказать еще об одной удаче: о первой солистке театра Кире Мабуке. Воля и женственность, выразительность и лиричность, чувство формы и сценичность — эти редкими качествами, совершенно необходимыми для искусства пантомимы, отличается артистка.

Стало ясно — театру с такой героиней, да к тому же исповедующей эстетику театра открытых переживаний, будет подвластно многое; так возникла «Электра» Еврипида.

Когда я шел на представление «Электры», думалось: как можно без слов воспроизвести на сцене эту трагедию? Как будут объясняться Орест и Пилад, Клитемнестра и Агамемнон? Откровенно скажу — не верилось, что это возможно. Но из двенадцати эпизодов трагедии сложился цельный и яркий спектакль.

В спектакле Гурама Дочанашвили «Пиросмани — царь» рассказывается о жизни гениально одаренного грузинского художника Нико Пиросмани. Мы помним, как пытались воспроизвести этот образ и в драматических театрах, и в кино. Театр пантомимы, ни в чем не копируя ни биографических, ни мемуарных сводов, ни драматических и кинематографических версий о Пиросмани, создает впечатляющий образ живописца из народа.

Передо мной встает воссозданный актером Амираном Ша-

ликашвили живой образ Поэта. Именно Поэта: мечтателя, романтика, поднявшегося над бытом.

Пантомима способна, может быть, в большей степени, чем другие области искусства, конкретное возводить на высоту символика. В этом смысле характерен для театра спектакль «Кольбельная», созданный по мотивам грузинской народной легенды о девяти сыновьях, выращенных Матерью, о девяти символах мужества и верности.

Самобытное искусство этого талантливого коллектива, его постоянный поиск были неопровержимым объяснением того, что он из театра при филармонии стал первым в стране Государственным театром пантомимы. Театр не дублирует смежные искусства, и прежде всего театра драмы. Он создает свой репертуар, свою сценографию (отметим работу народного художника Грузии Мамия Малазония). В свою сферу театр включает и современность. Так, в «Бессмертии» возникают эпизоды Великой Отечественной войны (правда, здесь пантомима прерывается не только современными песнями, но и вставными репликами, и слово вдруг врезается в пантомиму, что становится своего рода компромиссом и своего рода отходом от «обета молчания», от желания обходиться без слов). Здесь, в оценке этого приема, не найден еще однозначный ответ. Зрители

ведут споры, весьма острые. И это само по себе хорошо, драгоценно. Правильно ли то, что театр должен хранить верность автономным законам пантомимы, или верно то, что он делает шаг в сторону драмы? Десятилетнее существование театра, его гастроли в 115 городах Советского Союза и в шести зарубежных странах показывают, что он находится в постоянном творческом поиске. Зритель принял театр, время показало необходимость в таком театре, знатоки подтвердили его высокий уровень. Так, великий французский мим Марсель Марсо писал: «Такого национального, профессионального, совершенного, талантливого коллектива я еще не встречал. Несмотря на свой недолгий срок существования, он уже выработал свой почерк, и следует ожидать, что в скором будущем займет ведущее место среди театров пантомимы Европы».

В пластике актеров, составляющих единый ансамбль, передана земля Грузии, воспроизведены средствами искусства «прозрачные лозы» и урожай хлеба, показаны государственные кормильцы — пахари, пастухи, а заодно и слугаты песни...

Театр, руководимый Амираном Шаликашвили, дает простор разным жанрам пантомимы. Если «Электра» — это трагедия, то «Бессмертие» — баллада. Если «Кольбельная» — это эпико-лирическая песнь (именно песнь, Слово), то жанр «Поэмы о виноградной лозе» выражен уже в названии спектакля. Надо полагать, что театр, вызвавший столь большой интерес московской публики, еще порадует нас новыми спектаклями в разных жанрах древнего искусства пантомимы.

Лев ОЗЕРОВ.